

ГРУЗИНСКАЯ ДИАСПОРА ДАГЕСТАНА В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Одной из многочисленных диаспор, сформировавшихся на Кавказе в XVIII–XIX вв., была грузинская община. В данной статье прослеживаются основные этапы истории и условия ее формирования, динамика численности грузинского населения Дагестана, его участие в хозяйственно-экономической жизни края XVIII – начала XX в.

Еще в VI в. в нагорный Дагестан проникали проповедники христианства из Закавказья (25. С. 387). Первые сведения о грузинах, проживавших на территории Дагестана, относятся к XV в. В самом начале XV в. бывший архиепископ персидского города Султанийи Иоан де Галонифонтибус в своей «Книге познания мира» писал о Дагестане, что здесь «живут также грузины, сарацины, даргинцы и лезгины. ...На равнине и у подножия гор проживают различные народности и каждая имеет собственный язык» (Сведения о народах Кавказа 1904 г. Баку, 1980. С. 25).

В середине XVII в. Дагестан посетил турецкий географ-путешественник Эвлия Челеби. Характеризуя народы, проживавшие в зоне расположения с. Эндирей (Северный Дагестан), он пишет, что «все население знает языки персов, грузин, черкесов, кумыков, кайтагов, моголов, боголов, хешдеков, русов, московитов.. и разных прочих народов» (42. С. 115).

В XVII в. грузины проживали в низовьях Терека и составляли небольшую часть многонационального населения города Терки, который в это время являлся крупным политическим и торговым центром. Путешественник первой четверти XVII в. Федор Котов отмечал, что в Терском городе устраивались базары, раскинулись большие слободы (41. С. 69). В нем находились «русские ряды» и гостиные дворы: старый, новый и гилянский, где торговали русские люди и тезики, восточные купцы из Ирана, Дербента, Закавказья и приезжие, обосновавшиеся здесь надолго (37. С. 52; 31. С. 125). По данным источников, в нем жили или временно находились русские, осетины и кабардинцы, кумыки, азербайджанцы, армяне и грузины, индийцы, персы и выходцы из Западной Европы, в том числе немцы, литовцы, поляки и другие (21. Т. 1. С. 265).

В источниках содержатся факты переселения грузин в различные районы Дагестана. Горцы восточной Грузии проживали в ряде дагестанских владений. Так, например, в султанстве Елисуйском помимо цахур жили и грузины (10. С. 15). Ученые располагают данными о брачных связях отдельных дагестанских народностей с восточно-грузинским населением. По преданиям, жители аварского с. Кулецма являются выходцами из Грузии, а тухумы многих дагестанских аулов – грузинскими. Ряд селений и хуторов – Цахур, Джиних, Мишлеш, Кусур – известны под общим названием «Горный магал» или «Гержи магал», т.е. «Грузинский магал» (10. С. 19-20).

Народы Дагестана и Грузии совместно выступали против иноземных захватчиков, издавна поддерживали взаимовыгодные торгово-экономические связи. Грузины, приезжавшие по торговым делам, порой подолгу проживали в крупных населенных пунктах Дагестана. Как свидетельствует турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби, в Эндери наряду с другими народами жили и грузины (42. С. 115). Купцы из Грузии приезжали в торгово-ремесленные центры Дагестана – Дербент, Тарки, Эндирей и др. (20. С. 115).

Грузинские купцы проживали в Дербенте, который издавна служил складским пунктом, и откуда, по мнению М.Р. Гасанова, «дагестанцы получали товары у грузинских, армянских и азербайджанских купцов» (10. С. 14). Благодаря переселенческой политике Петра I уже в 1723 г. в городе были образованы значительные армянские и грузинские «слободы». Так, например, на карте Дербента 20-х годов XVIII в. указано, что «вблизи моря была расположена церковь грузинская, а вокруг нее слобода грузинская» (26. С. 86–87). В последующие годы грузинская диаспора Дербента росла. Значительную ее часть составляло купечество. В конце XVIII – начале XIX в., как писал астраханский губернатор, шелк поступал в «Астрахань сухопутно и помимо таможен. Его доставляли из Шеки, Шемахи, Дербента, Баку жители магометане (азербайджанцы), а также армяне и грузины...» (28. С. 84).

Сообщения о компактном проживании грузин на Тереке относятся к 20-м годам XVIII в. (3. С. 89). Российские власти были заинтересованы в увеличении на берегах Каспия числа христианского населения, в том числе грузин, придерживавшихся русской

ориентации. Еще до Каспийского похода Петр I призывал армян и грузин к переселению в прикаспийские районы. Он «хотел при устье р. Кура заложить большой купеческий город, в котором торги грузинцев, армян, персиян, яко в центре, соединились, и оттуда продолжились до Астрахани» (38. С. 206).

У крепости Святого Креста, основанной Петром I, по данным Д.С. Васильева, поселилось 450 армянских и грузинских семей, построивших дома и лавки «на собственный кошт» (5. С. 79).

Грузинская колонизация терского левобережья сопровождалась развитием здесь новых отраслей производства. Власти на местах с удовлетворением отмечали, что многие грузины, вышедшие из плена, «к деланию шолку, сеянию пшена и бумаги хлопчатой немалое искусство имеют» (39. С. 311).

В 1735 г. по Гянджинскому договору с Персией крепость Святого Креста на Сулаке была ликвидирована, жители ее грузинской слободы были переведены в Кизляр. При крепости были поселены «казаки Терского Кизлярского войска, «охочены», новокрещены, грузины, армяне с получением на семью для поправления по 10 руб.; также терские и казанские татары» (2. С. 120). Таким образом, грузины проживали в Кизляре с момента его основания. Как свидетельствуют документы, здесь «селились азиатцы вольно приходящие ис Персии, Грузии и ис Кавказских гор, грузины, армяна и татара» (15. С. 35).

В Кизляр были переведены войска. В грузинском эскадроне, находившемся к тому времени в составе русской армии, насчитывалось 198 человек. Грузины были и в других воинских подразделениях (7. С. 40).

Кроме того, в Кизляр были переведены армяне и грузины из Гиляна. 112 человек их было принято на российскую службу под руководством их генерал-майора Лазаря Христофорова (2. С. 121). Они поселялись «при Кизляре с получением земли под пашню, а жалования против астраханских гарнизонных полков и денежного пособия на поселение» (4. С. 155). Таким образом, при основании Кизляра началось отведение земель грузинским дворянам (5. С. 125). Крупные помещичьи хозяйства из-за нехватки рабочих рук плохо развивались в Притеречье и были малорезультативными. Поэтому грузинские дворяне и в XIX веке имели небольшие деревни по 10-25 дворов (15. С. 75).

Основную массу переселенцев-грузин в XVIII в. составляли беглецы из горского плена. Вопрос о рабстве в средневековом Дагестане освещен исследователями в ряде специальных работ (34,40, 17, 18).

Вплоть до XIX в. нередким явлением были набеги на территорию Закавказья, сопровождавшиеся пленением людей. «Невольники из числа армян и грузин были обычным явлением в Ширване и Дагестане» (34. С. 157). Говоря о конце XVIII в., П.И. Ковалевский отмечал, что базары в Ахалцихе, Эндери и Анапе были переполнены грузинскими невольниками (23. С. 47). Кроме того, работоторговля велась в Аксае, Тарках, Дербенте, Анди (21. С. 23). Вплоть до XIX в. селение Джар на границе Дагестана с Грузией также было одним из значительных невольничьих рынков региона (32. С. 19, 20). Например, в письме генерал-лейтенанта Кнорринга к грузинскому царю Георгию от 16 мая 1800 г. сообщается о том, что посланный им за реку Терек казачий отряд «отбил караван андреевских и аксаевских жителей, которые везли пленных грузин и армян обоего пола 53 души» (1. Т.2. С. 1156). Как пишет князь Цицианов в своем донесении графу Кочубею от 20 января 1804 г., аксаевцы «вели под прикрытием сильного конвоя на продажу в Анапу в 1800 г. 57 человек пленных грузин и армян», которые были отбиты командиром Моздокского казачьего полка майором Лучкиным (1. Т.2. С. 936-937).

В связи с массовыми побегам грузин и армян в российские пределы кабардинские владельцы на протяжении всего XVIII в. неоднократно ставили вопрос об их возвращении либо о возмещении убытков. Российская сторона постоянно заявляла о невозможности возвращать невольников, поскольку «грузины и армяне в христианском государстве должны иметь убежище» (21. Т. 2. С. 110, 115, 122,236, 239).

Правительство России предпринимало действия по устройству грузин, обосновавшихся в крае. Так, в 1744 г. Сенат распорядился, чтобы кизлярских грузин в городских работах не использовали, лошадей у них не брали и от солдатских постоев освободили, поскольку на новом месте они еще не обзавелись хозяйством. Губернатор Астраханского края В.Н. Татищев в 1745 г. сообщал: «Ныне по указу Правительствующего Сената особливо повелено мне вышедших ис плену немалое число грузинцев, милитинцов и кахетинцов иметь в моем собственном ведении, им потребные земли дать и в полезное состояние привести» (39. С. 310-311). В 1747 г. 450 грузинских

семей Кизляра были освобождены от военной службы и зачислены в состав гражданских жителей (12. С. 86).

Кизляр состоял из восьми кварталов. Один из них, называвшийся у русских Грузинской слободой, а у мусульман Курцаул, был населен только грузинами. В 1748 г. в Кизляре было 200 дворов грузин. Об этом свидетельствовал архиепиеей Иоанн Манглели. Он писал, что в Кизляре «весьма много жилищ находится и грузинцов с 200 дворов поселено, кроме тех, которые в казацких местах живут». В 1782 г. здесь насчитывалось 1551 человек переселенцев из Грузии (15. С. 40). Таким образом, число грузин в селениях, станицах и в городе Кизляре быстро росло.

Кизляр служил местом политического убежища для многих грузин, простых и знатных, находивших здесь спасение от турецко-персидских захватчиков и междоусобных распрей и остававшихся на постоянное жительство между своими соплеменниками. В числе таких были грузинский царевич (внук царя Вахтанга VI), подполковник русской службы, командовавший армяно-грузинским добровольческим эскадром Александр Евсеевич Багратион, дедушка знаменитого полководца П.И. Багратиона, наследный князь Грузии Давид и др. (22. С. 65). Среди жителей города были грузинские духовные лица. Несколько священников-грузин переехали сюда из Москвы. По их инициативе был основан Крестовоздвиженский мужской монастырь и грузинская церковь (15. С. 39–40). Таким образом, Кизляр являлся важным духовным центром грузин на Северном Кавказе.

Кизлярский Крестовоздвиженский мужской монастырь, основанный в 1736 г. архимандритом грузинским Даниилом, и так называемая Осетинская духовная комиссия, созданная в 1744 г. проживавшими в обители кизлярского монастыря митрополитом грузинским Иоанном Магнельским и архимандритом Герисаном, занимались распространением христианства и пропагандой православия среди кавказских горцев, что являлось важной задачей российских властей. Начальниками Осетинской духовной комиссии были грузинские архимандриты. В первое время в ней состояли также исключительно грузины, хорошо знакомые с языком, нравами и обычаями горцев. В числе настоятелей Кизлярского монастыря в сане архимандрита в 70–80-х гг. XVIII в. состоял родной дядя П.И. Багратиона Павел Александрович Багратион, в иночестве Порфирий (22. С. 65).

Кизлярский монастырь и Осетинская комиссия имели свое подворье в Кизляре, а неподалеку от него – земельный участок с огородом, пашнями, рыбными и сенокосными угодьями. Из Кизляра, а затем из Моздока, куда после основания города была переведена Осетинская комиссия, миссионеров (проповедников) сопровождал конвой из казаков, а в некоторых местах (Осетия и др.) содержались специальные караулы для их охраны (5. С. 92).

По словам П.Г. Буткова, «с 1746 по 1764 гг. из Осетинской комиссии показывали 2085 душ обоого пола, обращенных в православие. Но астраханский преосвященный тогда же доносил, что за нерадением тех духовных лиц и за неисправлением служб едва ли сей новопросвещенный народ имеет какое понятие о христианском законе» (4. С. 150). Проповедь христианства среди горцев «худой успех имела от грузин духовных», которые «обращающихся удостаивали Святым Крещением с чрезвычайной поспешностью и, чтобы склонить их к принятию сего таинства, употребляли средства более мирские, нежели духовные, между тем входили часто в разбирательство мирских дел, делали друг на друга доносы; а тем самым не исполняли в точности возложенного на них звания» (19. С. 56).

Деятельность этих религиозных организаций нельзя признать успешной, но, как видно из документов, Кизлярский монастырь в течение первых тридцати лет своего существования обратил в христианство около двух тысяч горцев. Следует отметить, что мусульмане Кавказа неохотно принимали христианство, видя в этом покушение на их свободу. Некоторые из них, чтобы лишний раз получить подарки, принимали христианство по два-три раза, а затем убегали в горы.

При Кизлярском монастыре и Осетинской духовной комиссии была школа, в которой обучались грамоте и началам христианской религии дети осетин, кабардинцев, черкесов и других горцев. Это была самая первая русская школа на Кавказе для обучения детей кавказских народностей.

Коллегия иностранных дел 27 сентября 1764 г. решила учредить в Моздоке русскую школу для преподавания новообращенным христианам «закона христианского и российской грамоты» (29. С. 43). В 1765 г. кизлярская школа вместе с Осетинской комиссией была переведена в Моздок, где продолжала свою деятельность (36. С. 16–17,

21–23). Положительным в деятельности Кизлярского монастыря и Осетинской комиссии было то, что они способствовали распространению культуры и содействовали освобождению (выкупу) христиан из турецко-крымского, персидского и горского плена (5. С. 92–93).

В 1771 г. правительство рассмотрело вопрос об Осетинской духовной комиссии и пришло к выводу, что в обстановке войны с Турцией отпала необходимость скрывать, что комиссия – институт русского правительства и выражает его интересы. Был изменен ее состав: вместо грузин в комиссию ввели русских миссионеров (13. С. 770).

В последующем грузины продолжали участвовать в миссионерской деятельности на Кавказе. Так, по просьбе А.П. Ермолова на Северо-Восточный Кавказ для распространения православия был приглашен протоирей Тифлиского Сионского собора протоирей Александр, которому оказывали всяческое содействие, предоставили переводчика и установили опеку со стороны назрановского начальства (1. Т. 6. Ч. 2. С. 501).

В 60-х гг. XVIII в. была продолжена практика раздачи земель грузинским дворянам. Только в 1768 г. они получили в Притеречье 11 тысяч десятин земли (15. С. 75). Однако желание местных землевладельцев сохранить за собою земельную собственность, а при возможности и увеличить ее привело к появлению множества подложных документов. Еще в сентябре 1817 г. Ермолов писал графу Аракчееву, что у большей части даже грузинского дворянства «нет ясных доказательств на собственность» (43. С. 127).

В 1768 г., как сообщает Н.Н. Великая, 80 кизлярских грузин обратились с просьбой выделить им пустующие земли к северу от Кизляра. Просьба была удовлетворена. Так возникла слобода, а позже станица Сасоплинская (от грузинского «сасопло» – сельское) (15. С. 40, 48; РВИА. Ф. 644. Оп. 1. Д. 117. Л. 42 об). По мнению Д.С. Васильева, селение Сосоплы (от грузинского «сопели» – село) образовалось в 1820 г. к северо-востоку от Кизляра. Оно было основано кизлярскими и шелкозаводскими грузинами. В 1838 г. селение было преобразовано в казачью станицу Сосоплинскую, а в середине XIX в. она была переименована в Александро-Невскую. Грузины, не желавшие быть казаками, стали постепенно ее покидать (5. С. 131).

Важную роль в жизни грузинской диаспоры Кавказа, в том числе и Дагестана, сыграл Георгиевский трактат – договор между Российской империей и Картли-Кахетинским царством, заключенный 24 июля 1783 г. Он включал 13 основных и 4 сепаратных пункта, согласно которым Картли-Кахетинское царство переходило под покровительство России, здесь назначался русский посланник или резидент. Договор оговаривал общие интересы России и Грузии на международной арене как в мирное время, так и на случай войны одной из сторон. Жители Кахетии и Картли могли беспрепятственно приезжать в Россию и там селиться, а купцы свободно торговать, обладая теми же привилегиями, что и русское купечество (9. С. 228).

Грузинское население Терского левобережья, как горожане, так и селяне, в XVIII в. большей частью занималось виноградарством и виноделием. Грузины выращивали в основном черный виноград, который давал хорошие урожаи. С одной десятины виноградников получали в целом 350–400 ведер качественного вина, пользовавшегося большим спросом. Виноград перерабатывали как в домашних условиях, так и передавали на местные винодочные заводы (14. С. 59; 7. С. 83). Грузины занимались также садоводством, овощеводством, бахчеводством, выращивали хлопок, фасоль, растения-красители. Хлебопашество играло второстепенную роль. Из озимых сеяли рожь, из яровых – просо, ячмень, овес (33. С. 460).

Население Низовьев Терека активно занималось шелководством. Сарафанниково (Шелкозаводская), Кизляр, Паробочево, где значительную массу населения составляли грузины, стали первыми центрами шелководства на юге России. Только в Сарафанниково в 1772 г. было получено 8 пудов шелка-сырца (11. С. 25). В первой половине XIX в. центром шелководства был Кизляр. В 1846 г. здесь было получено 120 пудов шелка-сырца. Это почти половина шелка, произведенного на Северном Кавказе (7. С. 84).

Грузины держали лошадей, овец, коров, свиней, частично отдавали скот на выпас караногайцам. Однако животноводство носило ограниченный характер в хозяйствах грузин и армян. Так, по данным 1815 г., лишь 7 грузин Кизляра были земледельцами или скотоводами (12. С. 102–103).

Многие грузинские феодалы, недовольные политикой сближения Восточной Грузии с Россией, находили приют в Аварском ханстве (43. С. 79). Грузины жили в Гунибском округе и занимались исключительно торговлей. Купцы из Грузии приезжали в Хасавюрт, где 1–2 раза в году проводились ярмарки. Они жили в крупных аулах Дагестана – Аксае,

Костеке, Андрейауле, Казикумухе, Ахта и др., где имели торговые лавки и развили активную деятельность. В Тарках жили купцы, приезжавшие из Кизляра, в частности армяне и грузины (9. С. 221). Так, по сообщению М.Р. Гасанова, купец первой гильдии М. Ломидзе закупал «...из различных кумыкских деревень тамошнего производства неподверженные зачумлению как-то: краски, марена, мука, пшено, сушеные фрукты на немалую сумму» (10. С. 14).

В конце XVIII – начале XIX в. наблюдается определенная стабилизация численности грузинской диаспоры Дагестана. Благодаря энергичным действиям российских властей, в том числе и в Закавказье, был положен конец массовому вывозу пленников из Грузии. К 1800 г. относятся последние сообщения об отбитых у горцев больших групп грузин, которых вели на продажу в турецкие крепости (8. С. 37, 55).

26 декабря 1802 г. в Георгиевске на съезде владельцев Дагестана и Северного Азербайджана был подписан общий договор, состоящий из 12 статей, который, помимо решения военно-политических проблем, способствовал развитию и укреплению связей Кавказа с Россией и Закавказьем. В частности, II артикул его представлял грузинским купцам одинаковые права и свободу передвижения на Северном Кавказе и в России наравне с русским купечеством (9. С. 233). Указом от 11 октября 1803 г. на кавказских землях разрешалось по соглашению с частными владельцами водворять «на правах иностранных колонистов» осетин, армян, грузин, калмыков... (1. Т. 2. С. 638).

В 20–30-х гг. XIX в. получила распространение практика принудительного обращения в казачье сословие государственных крестьян и представителей кавказских народов. Это мероприятие было вызвано низким естественным приростом казачьего населения и возросшими потерями, которые оно понесло в ходе Кавказской войны. Лишь часть осетин, переселенцев с гор, грузин и еще меньше армян пожелали перейти в казачье сословие (6. С. 51). В целом грузинская диаспора, в отличие от армянской, не смогла противостоять приписке к казакам, облегчавшей ассимиляцию (7. С. 43).

В XIX в. грузины продолжали играть заметную роль в армии. Так, в 1852 г. первым командиром Дагестанского конно-иррегулярного полка был назначен майор Нижегородского драгунского полка грузин князь Джемарджидзе (24. С. 44). Командиром 2-го Дагестанского конно-иррегулярного полка в 1877 г. был назначен подполковник И.С. Квинитадзе. В 1860 г. он, будучи еще корнетом, женился в дагестанском ауле Гелли на кумычке, которая родила ему сыновей Александра и Исабека. Командиром 3-го Дагестанского конно-иррегулярного полка, формирование которого началось в первые месяцы 1877 г., был назначен князь А.Г. Чавчавадзе (10. С. 55–56).

В XIX в. грузины небольшими группами проживали во многих населенных пунктах Дагестана. По данным И.С. Костемеровского, в 1858 г. в Темир-Хан-Шуре проживало 26 грузин, 23 из них были торговцами (16. С. 31). Грузины составляли некоторую часть населения Порт-Петровска после получения им статуса города. В 1882 г. в Кизляре жило свыше 300 грузин. Кизлярские грузинские купцы часто бывали в дагестанских аулах (10. С. 52).

Выходцы из Грузии составляли значительную часть городских владельцев, ремесленников и работников предприятий. Горожане открывали мануфактурные предприятия, занимались ремеслом. Среди грузин были ювелиры, медники, слесари, кожевники и др. (15. С. 71). В конце XIX – начале XX в. закавказский капитал занимал прочные позиции в развитии дагестанской промышленности.

Значительная часть грузинского населения Дагестана относилась к торговому сословию, занималась региональной и международной торговлей. Грузинские купцы часто посещали Тарки, Эндирей, Костек, Аксай и другие селения. Еще в начале XVIII в. в Тарках стали появляться торговые ряды русских, армянских и других купцов (35. С. 201). Количество купцов, приезжавших торговать, постоянно увеличивалось. По словам шамхала Хасбулата, в его владения приезжали «армянские, крымские, турецкие, грузинские и российские купцы» (ЦГА РД. Ф. 359. Оп. 1. Д. 49. Л. 38). В Эндирее можно было встретить и русских, и персов, и грузин, и представителей других национальностей.

Грузинская торговая прослойка городов в большей степени была представлена средними и мелкими торговцами. Грузины продавали вино, фрукты, масло и др., участвовали в посреднической торговле. Лавки обычно устраивались прямо в домах, где они проживали. Некоторые из грузин занимались мелочной торговлей на базарах, продавая продукты, овощи, фрукты, зелень, напитки, ремесленные изделия местного населения, скупаемые в аулах. Нередко торговцы из Грузии перепродавали в розницу товар, купленный ими у купцов, ведущих оптовую торговлю.

Во 2-й пол. XIX в. грузинские торговцы принимали активное участие в торговле с соседними народами. Товары, скупаемые в Дагестане, они вывозили не только в русские губернии, но и за границу (10. С. 47). Тарковские шамхалы часто давали армянским и грузинским купцам подводы для перевозки товаров. Некоторые феодалы отдавали на откуп армянским и грузинским купцам продажу марены.

В XIX в. выходцы из Грузии способствовали развитию садоводства и виноградарства края, принимали деятельное участие в создании и работали на промышленных предприятиях края, арендовали рыболовные участки, принадлежавшие частным владельцам и казне и т.д. (30. С. 47). Так, генерал Н.З. Чавчавадзе несколько лет подряд раздавал местным жителям ряда районов западного Дагестана виноградные лозы, привозимые им из Кахетии (10. С. 35). Во 2-й пол. XIX в. в Темир-Хан-Шуринском округе относительно крупные хозяйства принадлежали поручику Георгадзе, а также почетному гражданину Тифлиса Заргарову (28 десятин), которые были отведены для организации образцовых виноградных и фруктовых садов, а затем перешли в потомственную собственность (10. С. 35).

Выходцы из Грузии занимали видные административные посты в Дагестане. Так, например, в 1828 г. генерал Сипягин писал Паскевичу о возможности назначения к дидойцам, живущим в соседстве с кахетинцами, пристава из грузинских помещиков, имевших влияние на них и знавших их образ жизни, нравы и расположение занимаемой ими земли (43. С. 257). В начале XX в. И.Д. Джапаридзе был начальником Хасавюртовского округа (27. С. 28).

Таким образом, грузинская диаспора Дагестана активно формировалась в XVIII – начале XIX в. Среди грузин-переселенцев значительное число составляли беглецы из горского плена. Социальный состав их был разнообразен: дворяне-землевладельцы, военные, представители духовенства, земледельцы, ремесленники и купцы, разного рода предприниматели и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты Кавказской Археографической комиссии. Тифлис, 1875.
2. Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – начало XIX в. Книга I. Махачкала, 1999.
3. Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Этническая история Северного Кавказа XVI – XIX вв. Т. I. М., 1957.
4. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. I.
5. Васильев Д.С. Очерки истории низовьев Терека: (досоветский период). Махачкала, 1986.
6. Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001.
7. Великая Н.Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Армавир, 2001.
8. Виноградов Б.В. Кавказ в политике государя Павла I (1796–1801 гг.). Армавир – Славянск на-Кубани, 1999.
9. Гасанов М.Р. Дагестан в истории Кавказа и России (проблемы, поиски и этюды). Махачкала, 2004.
10. Гасанов М.Р. У истоков братства. Некоторые вопросы развития дагестано-грузинских взаимоотношений. Махачкала, 1986.
11. Географическое и историческое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на академика И.А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1700, 1771, 1772 и 1773 годах. СПб., 1809.
12. Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – середина XIX века. Ростов-на-Дону, 1984.
13. Данилюк М.Ю. Роль русской православной церкви в политике России в Дагестане в 40–80-х гг. XVIII в. // Взаимодействие государства и религиозных объединений: современное состояние и перспективы. Материалы Северокавказской научно-практической конференции. Махачкала, 2004.
14. Дебу И. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске (с 1816 по 1826 гг.). СПб., 1829.
15. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. / Сост. В.Н. Гамрекели. Тбилиси, 1968.
16. Егорова В.П. И.С. Костемеревский (1813–1892 гг.) – представитель русской интеллигенции в Дагестане. Махачкала, 2000.

17. *Иноземцева Е.И., Виноградов Б.Б.* К вопросу о работорговле в Дагестане в XVIII – начале XIX в. // Вопросы северокавказской истории. Выпуск 5. Армавир, 2000.
18. *Иноземцева Е.И.* К вопросу о политике России по пресечению работорговли на Северном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в. // Вопросы северокавказской истории. Выпуск 9. / Под ред. В.Б. Виноградова. Армавир, 2004.
19. История грузинской иерархии с присовокуплением обращения в христианство осетин и других горских народов по 1-е января 1825 г. М., 1853.
20. История Дагестана. Т. 1. М., 1979.
21. Кабардино-русские отношения в XVI– XVIII вв.: Документы и материалы. В 2-х т. М., 1957.
22. Кавказский календарь на 1848 год. Тифлис, 1847.
23. *Ковалевский П.И.* Кавказ. СПб., 1915. Т. II.
24. *Козубский Е.И.* История Дагестанского конного полка. Петровск, 1909.
25. *Курбанов М.Р.* Формирование христианских традиций в Дагестане // Взаимодействие государства и религиозных объединений: современное состояние и перспективы. Материалы Северокавказской научно-практической конференции (15 октября 2003 г.). Махачкала, 2004.
26. *Магомедов Н.А.* Торговые связи Дербента с Россией в конце XVII – начале XVIII в. // Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и с народами Кавказа. Махачкала, 1982.
27. *Мансуров М.Х.* Русские переселенцы в Дагестане (2-я пол. XIX - нач. XX в.). Махачкала, 1994.
28. *Маркова О.П.* Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966.
29. *Мартирозиан Г.К.* История Ингушетии (материалы). Орджоникидзе, 1933.
30. Обзор о состоянии Дагестанской области за 1892 г. Темир-Хан-Шура, 1893.
31. Очерки истории Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1957.
32. *Петрушевский И.П.* Джаро-Белоканские вольные общества в первой трети XIX столетия. Внутренний строй и борьба с российским колониальным наступлением. Тифлис, 1934.
33. *Равинский И.В.* Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. СПб., 1809.
34. *Рамазанов Х.Х.* К вопросу о рабстве в Дагестане // УЗ ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР. Т. 9. Махачкала, 1961.
35. Русско-дагестанские отношения XVII - I четверти XVIII в.: Документы и материалы / Сост. Р.Г. Маршаев. Махачкала, 1958.
36. Сборник общества любителей казачьей старины. № 1. 1912.
37. *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958.
38. *Соймонов Ф.И.* Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний... // Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах. 1763. № за ноябрь.
39. *Татищев В.Н.* Записки. Письма. 1717–1750 гг. // Научное наследство. Т. 14. М., 1990.
40. *Умаханов М.-С.К.* Проблема беглых во взаимоотношениях дагестанских феодалов с царской администрацией на Северном Кавказе в XVI–XVIII вв. // Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана. Махачкала, 1990.
41. Хождения купца Ф. Котова в Персию. М., 1958.
42. *Челеби Э.* Книга путешествия: земли Северного Кавказа, Поволжья, Подонья (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века.). Перевод и комментарии. М., 1979. Выпуск 2.
43. *Шигабуудинов Д.М.* Россия и народы Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е гг. XIX века. Махачкала, 2004.